

АМАЛИ
БРАУН

АННА
ЛАПИНА

Майна
ДВОЙНЯ ОТ ДЕКАНА

СТРАХИ ПРОШЛОГО

Анна Лапина
Тайная двойня от
декана. Страхи прошлого

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68845362

SelfPub; 2023

Аннотация

Несколько лет назад я пошла на преступление, на которое толкнула и свою подругу репродуктолога. Мы сделали мне ЭКО от постороннего мужчины, который даже не для этого сдавал свой материал. Я думала, что мы никогда с ним не встретимся. Но какого было мое удивление, когда через несколько лет я встретила его в академии искусств, в которой учусь. Он – мой новый декан. А я и мои двойняшки – его главная головная боль. Кто кого?

Анна Лапина

Тайная двойня от декана. Страхи прошлого

Глава 1

Владислав

– Влад, не забывай, что это и твоя академия тоже. Я не могу всё за нас двоих решать! – рычит брат, после того как слышит очередной отказ.

Нет, ну разве я не мог позже заехать в академию? Какого чёрта решил прикатить в такую рань? Не хочу я замещать брата и иметь какое-либо дело со студентами. Давно этого не делал и не планирую. Студенты – это участь Егора и Вадима.

А я отошёл от этих дел. Мне хватает и того, что я социальной жизнью академии занимаюсь и за продвижением слежу.

И, пожалуй, на этом всё!

– Вадим, выдыхай. – Пересаживаюсь со стула на диван, который расположен в конце кабинета. Как можно дальше от этого «биг босса». – Давай просто отменим урок, – предлагаю родственнику, которому идея явно не нравится. – Порадуем студентов. Сделаем им подарок на начало учебного года. Поверь, они будут в восторге.

Брат встаёт вслед за мной и недовольной тяжёлой походкой направляется к дивану, на котором я сижу.

– Живо поднимай свой зад и иди на урок. – Протягивает руку, намекая на то, что, если я не встану, он поможет.

– Интересно, я выгляжу так же смешно, когда злюсь? – Хватаюсь за руку и с помощью брата встаю на ноги.

Он же не отстанет от меня!

Если не пойду сейчас с ним, потом ещё долгое время будет меня раздражать своим нытьём и гундежом.

– Хуже, – бросает и, развернувшись, направляется к выходу.

– А ты куда? – сморщив лоб, спрашиваю у Вадима, следуя за ним.

– Провожу, чтоб не заблудился, – произносит через улыбку.

Ему кажется это смешным? И кто ведётся на такие шутки? Не зря он не может найти себе женщину. Нудный, скучный ботаник, педант и чересчур серьёзный. Ещё и эти шутки аля Петросян. Не судьба ему девушку найти! Ой, не судьба! Она же сбежит через пять минут.

– Как ты и сказал, это и моя школа тоже. Дорогу я знаю. – Торможу брата за плечо, опережая, но тот не отстаёт.

Грёбанный зал ещё, как назло, находится в другом корпусе, и идти до него полжизни.

Зачем я повёлся на Вадима?

Ну поворчал бы как дед, потом забыл бы, и дело с концом!

На хрен?!

Ну вот что за серьёзный братец у меня? Ну можно мне

было второго такого, как и младший Егор? С которым и в клуб можно. И трёх девчонок на двоих снять.

Хорошо, что мы с Вадимом только внешне похожи, а характеры у нас совершенно разные. Я бы не пережил, если бы был таким же занудой, как он.

– Ещё и отец давит со своими наследниками. Ты же знаешь, что я не могу, – произносит, вместе со мной следуя по коридорам, которые мы с детства знаем как свои пять пальцев. А вот студенты порой теряются. Помню, как раньше студенточкам помогал дорогу находить в свои трусы... ой, в нужные аудитории. А потом отец какие-то правила придумал, и я свинтил из академии.

– Какие, к чёрту, дети, Вадим?! – восклицаю, вздёрнув одну бровь.

– Наши с тобой, брат, наши. Отец ясно дал понять: или наследники, или мы остаёмся ни с чем, – продолжает говорить то, что я никак не могу и не хочу понимать. Когда заводить спиногрызов – моё личное дело. И это точно не в ближайшие лет десять произойдёт.

– Может, остынет и забудет? Где я, а где дети? – возмущаюсь, потому что жутко бешусь, когда отец начинает в наши с братьями жизни вторгаться. – Да и тебе пора уже открыться родителям и рассказать о себе, – предлагаю Вадиму, который только мне рассказал свою тайну.

Брат кривится и недовольно поджимает губы. Диагноз, поставленный ему полгода назад, до сих пор не даёт ему рас-

слабиться.

– Слушай! – Останавливаюсь посреди коридора. – Может, нам сказать отцу, что у нас с тобой это генетическое? Мы же близнецы. Вот у обоих проблемы с продолжением рода. Тогда и ты, и я в шоколаде, – предлагаю идею брату, которая, как по мне, просто гениальна.

– Влад, может, я и зануда, а вот ты идиот. – Хлопает по плечу и продолжает идти вперёд.

– Убьём двух зайцев. – Ускоряю шаг, чтобы догнать Вадима.

– Выбрось эту идею из головы. Лучше давай придумаем что-нибудь реальное. Мы в эту академию вложили всю душу и своё время. Я не могу позволить отцу отобрать её у меня.

– У нас, – поправляю.

– Именно. Это я и имел в виду, – соглашается. Для Вадима академия намного важнее семьи. Для него его ребёнок – это место, которое он любит, холит и лелеет. Благодаря ему оно начало процветать и расти.

– А что Егор? Он опять выйдет сухим из воды? Пусть младшенький хоть раз постарается и что-то сделает. Тем более для него это не составит большого труда, – вспоминаю о нашем третьем брате. Любимчик семьи, для которого жизнь – малина.

– Об этом позже. Мы пришли, – указывает на дверь. – Прошу, Владислав Данилович! – Тянет дверную ручку вниз. А я, вздохнув, без лишних слов захожу в танцевальный зал

под названием ад. Главное – пережить эти полтора часа муки.

Зайдя и не поприветствовав студентов, сразу же усаживаюсь за синтезатор и начинаю готовиться.

Обойдутся, салаги! Пусть вообще спасибо скажут, что я пришёл.

– Начинаем, – произношу, сменив очки для зрения на солнечные.

Так я себя ощущаю намного комфортнее, ну и надеюсь, что они хоть немного отвлекают внимание от безобразных дёрганий студентов.

Хоть здесь и много девушек в коротких шортах и в лосинах, время всё равно тянется мучительно и невыносимо долго.

Меня вообще отталкивают и раздражают люди, которые занимаются творчеством и делают это плохо. И эти студенты из сегодняшней группы выполняют свои задачи слишком плохо. Я бы сказал – ужасно!

Кто их вообще сюда пустил?! Какой слепой очкарик их вообще зачислил на факультет хореографии? Кто?! Покажите мне его, и я ему выколю глаза, а потом свои, чтобы никогда этого больше не видеть.

– Извините за опоздание! – Торопливо врывается в кабинет ещё один студент, вернее, студентка.

Уверенной походкой она тут же приковывает все взгляды к своей персоне. В том числе заполучает и моё внимание.

Ну что же... Посмотрим, на что она способна в танце.

С особой страстью и даже придирчивостью наблюдаю за опоздавшей девушкой, пытаюсь хоть какой-то недостаток в ней найти, но чертовка даже повода придраться не даёт. Исполняет всё чисто, аккуратно и даже с ритма не сбивается.

Ведьма, что ли? Быть такого не может, чтобы ни одной ошибки не допустить!

И мне бы радоваться тому, что не всё потеряно с этим молодым поколением, но не могу. Не могу! Отчего-то хочется указать высокомерной студентке на её место. А то смотрит на всех, в том числе и на меня, свысока и даже нос не опускает.

Будто бы всё вокруг ей одной принадлежит и все должны ей поклоняться. Ненавижу таких. Особенно когда это ещё и заслуженно.

Остальные же студенты ликут. Я даже внимания на них не обращаю, продолжая за девчонкой наблюдать. Расслабились и ещё хуже двигаться стали.

Разбаловал их, Егор, разбаловал!

– Перерыв пять минут, – объявляю, прекратив играть.

– Фух! – тут же звучит, и аудитория в одно мгновение наполняется шумом голосов. Им будто пробку изо рта выдернули, и их прорвало.

Выбрав одинокую рядом стоящую девушку, жестом подзываю её к себе. Та, вытерев пот с шеи, подходит и выжидающе смотрит на меня.

Я же вновь отвлекаюсь на блондинку. Та, даже после той встряски, что я им устроил, улыбается и кажется бодрой. Вот же ведьма с мотором.

Хм-м... А она в каждом занятии такая энергичная?

– Извините, – напоминает о себе кудрявая брюнетка, которую я позвал. – Вы меня звали? – неловко мнётся и избегает встречаться со мной глазами.

– Ага, – киваю и не свожу взгляда с высокомерной стервочки.

Я бы такую попробовал. И не один раз. Люблю выносливых. А потом бы точно указал ей её место.

– Зачем? – нервно уточняет мой источник информации.

Чего она вообще ко мне привязалась? Чего хочет? Отвлекает только! Я, может быть, здесь планы строю, а она поболтать с преподам решила. Как отчислю сейчас, и отстанет навсегда.

– Что зачем? – раздражённо переспрашиваю и окидываю её убийственным и недовольным взглядом.

– Позвали вы меня зачем? – испуганно шепчет, сжавшись в один маленький комок.

– А-а-а, точно, – вспоминаю и даже на секунду неловко становится. Но всего на одну. – Знаешь её? – веду головой в сторону блондинки, и девушка активно кивает. – Кто?

– Вика Лапина, – раздражённо отвечает девчушка. – Звезда нашего курса. Считает себя лучше всех и ведёт себя всегда как королева.

А она не лучшая? Пока из того, что я видел, – точно лучшая!

– Ещё, – требовательно произношу.

– Ну, хоть и звезда, но на парней наших не ведётся, – продолжает девчонка, но уже не так бойко. – Да и на старшекурсников тоже. Точно считает, что они недостойны её. Королевишна, блин! Вся из себя всегда приличная, аккуратная, воспитанная. Мажорка, в общем! Отец и дед у неё крутые, вот и строит из себя госпожу мира.

«Госпожа мира», – хмыкаю про себя, представляя Лапину в кожаном костюме и с плёткой.

– Хм-м, – задумчиво тяну, быстро собравшись. – Лучше всех и королева, – повторяю. – Будем разбираться, – кидаю девушке и дарю ей улыбку. – Ты тоже ничего так двигаешься из девчонок, – нагло лыщу, чтобы в её лице заполучить своего шпиона и крысу.

Вадим точно меня здесь будет держать, пока Егор не опривит. А это значит, что мне везде нужны свои люди. И в этой группе тоже.

– Правда? Вы так думаете? – вмиг из уставшей и злой студентки превращается в кокетку. Заправляет прядь за ухо и хлопает ресницами, глядя на меня. – Я, кстати, Ксюша Ермолина. Староста этой группы.

– Да, у тебя есть талант! – бросаю ей и разворачиваюсь. – Перерыв окончен! – выкрикиваю, подключаясь к колонкам, которыми весь зал оснащён. – Сейчас все танцуем по оче-

реди! Соло-партии! – объявляю и возвращаюсь к ним с уже готовым плейлистом. – Я задаю ритм, вы подстраиваетесь и показываете, на что способны.

– Соло? – звучат перешёптывания за моей спиной. – Только не соло! Не хочу соло! Блин, соло! Капец!

– Соло, – повторяю и делаю вид, что мне всё равно, кто пойдёт следующим. Но я уже знаю, кого хочу в данную минуту видеть в центре зала. – Ты, – киваю на Лапину. – За опоздание ты танцуешь первой. Будешь теперь знать, как опаздывать.

Уставившись на меня задумчивым и, я мог бы сказать, мстительным взглядом госпожи, она впервые смотрит на меня. Именно на меня, а не на своего преподавателя по танцам. Но ни шага в центр не делает.

– Могу я пропустить кого-то из одноклассников? Мне слегка... – делает паузу, придумывая причину. – ...меня слегка тошнит. Буквально минутка нужна, – цепляет на лицо широкую, но лживую улыбку.

– Нет! Ты! Я хочу посмотреть на то, как ты двигаешься, – с вызовом произношу, но, как назло, после моих слов звучит громкий колокол, оповещающий о том, что пара окончена и пора перемещаться на другую лекцию. Чем Лапина и пользуется.

– Не судьба. Учебное время вышло, – тянет королева везения, улыбнувшись в этот раз со всей искренностью. – До свидания! Спасибо за урок! – бросает и, схватив сумку, вы-

летает пулей из зала, пока другие студенты отправляются в раздевалку переодеваться.

Немного не понял!

Она меня что, кинула? Обыграть решила?! Меня? Влада Громова? Да меня ещё ни одна баба вокруг пальца не обводила! Ни одна!

Пф-ф-ф! Не на того нарвалась, госпожа...

Я тебе покажу, кто хозяин и господин!

Глава 2

Виктория

Выбегаю из аудитории и хлопаю дверью с такой силой, что грохот от того, как она ударяется о раму, слышит, наверное, вся академия.

Но мне плевать на это, потому что у меня паническая атака, кажется. Я не уверена. Но моё сердце бьётся с такой скоростью, словно я сейчас инфаркт получу.

Когда я заходила в аудиторию, то даже не приглядывалась к преподавателю за музыкальным инструментом. Я думала, это Егор Данилович, но просто с новой стрижкой, стилем одежды. Да и эти очки на пол-лица скрывали мужчину. Вот и не обратила внимания на чудика.

Но когда новый преподаватель объявил о перерыве, а потом о том, что теперь он хочет, чтобы мы соло для него станцевали, и вызвал меня, я просто обомлела.

Я разглядела его.

И это не Егор Данилович. Совсем нет!

Похож немного, но нет! Это не Громов, который вёл у нас весь прошедший курс. Который, разглядев во мне талант, стал давать ещё и дополнительные уроки во внеучебное время.

И который всегда мне делал поблажки, зная, что я иногда опаздываю из-за детей, что не хотят меня куда-то отпускать и вечно что-то прячут. То телефон, то ключи от квартиры, то от машины. То ещё от чего-то.

Это не Егор!

Этот мужчина... Он...

«— Смотри, а как тебе этот? – подставляет мне фотографию клиента клиники подруга, выбрав его из своей стопки. – Симпатичный, – пожимает плечами, оценивая его.

– Ну да, – беру фотографию и разглядываю её. – Глаза красивые и черты лица приятные. А рост какой? Не карлик?

– Высокий.

– Телосложение?

– Всё в норме, – уверяет она меня. – Я его лично видела! Всё при мужике! И даже там всё хорошо, – заговорщицки шепчет, поиграв бровями. – Мне наш уролог сказала, что там очень даже хорошо.

– Здоров? – спрашиваю, оторвав взгляд от изображения человека, которого собираюсь обокрасть.

– Абсолютно!

– Значит, берём его? – с сомнением уточняю, хотя до сих пор не в восторге от идеи, которая нам с Катей в голову слу-

чайно пришла. Но она решит все мои проблемы.

– Конечно! – восклицает, коварно улыбнувшись. – Ну а что ему? Он никогда не узнает об этом, а твою проблему решит!»

– Мне просто показалось! Просто они похожи, – шепчу себе под нос, идя по коридорам в другой корпус. – Просто показалось!

Такого быть не может, чтобы в той клинике обычный преподаватель обследовался. Не может он им быть! Да, они здесь, в академии, получают нормально, но явно не столько, чтобы сдавать анализы на всю свою зарплату.

Отсидев ещё одну пару по актёрскому мастерству, которую у нас ведёт бывшая артистка театра, еду домой. Но на лекции, к своему стыду, совсем не слушаю женщину. Мысли то и дело возвращаются к преподавателю и фотографии. Сравниваю их, пытаюсь найти различия и сходства. И пока пятьдесят на пятьдесят.

Но я ведь могу ошибаться. Я тогда в первый и последний раз видела ту фотографию, и сейчас могу просто ошибаться. Просто устала очень, вот в голове ненужные ассоциации и возникают.

Ну не может этот мужчина быть тем самым!

Ну не может судьба так со мной зло пошутить! Земля, конечно, круглая, но не настолько!

Приехав домой, сразу же отпускаю няню и иду в детскую, где мило сопят мои двойняшки. Моё маленькое чудо, кото-

рое я украла. И мне вовсе не стыдно.

– Мамулечка, это ты? – сонно шепчет Инна, когда я укрываю одеяльцем. Опять раскрылась во сне, моя бунтарка.

– Тиш-ш-ш, – тяну, убаюкивая свою трёхлетнюю малышку. – Спи. Тиш-ш-ш...

– Мамулечка, – бормочет она во сне и покрепче подушку к себе прижимает.

Хмыкнув и улыбнувшись, подхожу ко второй кровати и умиляюсь моей соне Алине, которая может спать при любых обстоятельствах. Хоть ремонт, хоть крики, хоть концерт в нашем доме и под её ухом. Полная противоположность Инны в этом ключе. Та спит чутко, но, слава богу, её можно уложить всегда обратно спать.

Быстро целую их в щёчки и выхожу из детской, направившись к себе в спальню. И, наконец, стягиваю с себя костюм для хореографии, который сразу после первой пары снять надо было. Но мне было не до того.

Переодевшись, убеждаюсь, что девочки ещё спят, и звоню родителям, которые уехали сейчас отдохнуть на море. Обожаю с ними поболтать, когда выпадает свободная минутка.

Узнаю о том, что у мамы с папой всё в порядке. Слушаю забавные и нескончаемые ворчания папы, что мама чуть его не бросила ради какого-то известного турка, которого они встретили на прогулке.

В общем, у этой весёлой парочки ничего не меняется. И это всегда поднимает настроение.

И почему судьба надо мной поглумиться решила, подарив мне дурацкую болезнь? Разве не могло всё случиться позже? Когда я нашла бы своего мужчину?

Теперь я мать-одиночка, но, к счастью, мать.

– Мама! Мама! – кричат двойняшки и врываются в мою комнату почти сразу же после того, как я заканчиваю разговор с папой. – Давай иглать?! Пошли иглать! Пошли! – хватают меня за обе руки и тащат на коврик. – Мы хотим иглать! – заявляют они мне, и у меня в голове тут же возникает лицо преподавателя и его слова о том, что он хочет, чтобы я танцевала соло.

У него и у девочек даже манера говорить и требовать одинаковая.

Боже! Паранойя какая-то началась уже!

Мне кажется! Мне просто кажется! Это всё усталость, не более того!

Не может новый преподаватель быть отцом моих девочек!
Не может! Нереально!

Всю ночь ворочаюсь и не могу уснуть. То одни, то другие мысли посещают меня, заставляя думать и лишний раз паниковать. И все они связаны с новым преподавателем.

Не может быть такого, что в таком огромном многомиллионном мегаполисе я встретила его именно в академии, в которую мечтала попасть с раннего возраста. Либо судьба играет со мной злую шутку, либо я настолько везучая.

«Утром первым же делом поеду в клинику и выпрошу его фотографию, – обещаю себе, злясь на свою паранойю. – Может, всё же это мои глюки и мне показалось?» – пытаюсь себя до последнего успокаивать, но не помогает.

Понимаю, что ночью ничего не решу, но дурацкие мысли не дают даже глаз сомкнуть. Поэтому решаю отвлечься и в очередной раз посмотреть фотографии моих крошек, начиная с самого их рождения. Я готова рассматривать их вечно. Каждую минутку. Каждую свободную секундочку.

Мои девочки – самое лучшее, что со мной происходило в этой жизни. Даже танец для меня давно уже не на первом месте.

Дойдя до их второго дня рождения, кидаю взгляд на часы. Начало пятого утра. Рано, но, в принципе, можно «просыпаться».

Принимаю душ и начинаю собираться в клинику. Как только няня придёт, сразу же поеду в клинику. Как раз к её открытию подъеду и пары не пропущу.

«Выезжаю к тебе, жди» – пишу сообщение подруге, которая как раз таки и помогла мне тогда проверить нелегальное дельце. Давлю на газ и направляюсь в знакомое мне место, в котором не была около трёх лет. Которое и подарило мне радость материнства.

– Катя, у нас ЧП, – влетаю в кабинет репродуктолога и усаживаюсь в кресло напротив рабочего стола подруги. – Мне нужно его фото, – прыгаю в омут с головой, сразу же начав

с требования.

– Ну, привет, – намекает на мою невежливость.

Катя ненавидит, когда к «её величеству» относятся не соответствующе. А я же привыкла, наоборот, сразу переходить к делу и не тратить время на лишние слова. Тем более сейчас, когда ситуация на грани нервного срыва.

– Кать, мне срочно нужно видеть его фото, – повторяю как попугай, потому что мою просьбу Савельева, кажется, решила проигнорировать.

– Вика, успокойся! – цокает она языком, поняв, что не добьётся от меня приветствия. – Ты чего как заведённая с утра пораньше? Чью фотографию ты хочешь видеть? – закидывает вопросами, видя моё состояние.

– Мужика, чей материал мы тогда использовали, – объясняю, неосознанно крутя письменную ручку в руке. Закусываю губу и жду от неё ответа.

– Вика, тише! – шикает на меня и переходит на шёпот, потянувшись ко мне через весь стол. – Мы же ещё четыре года назад договорились молчать и больше не вспоминать эту историю, – сверлит меня серьёзным и злым взглядом. И я понимаю почему... Если наша тайна раскроется, то Катю по статье могут уволить или вообще посадить. А что будет со мной и букашками – даже думать не хочу.

– Да просто решила познакомить девочек с отцом, – наигранно улыбаюсь, но паника в глазах выдаёт.

– Ты его видела? – вмиг догадывается, округлив глаза. Ви-

димо, я всё же заинтриговала соучастницу преступления.

– Преподаватель в академии, – выпаливаю и убираю с лица всю фальшь. Катю мне не провести. Никогда не удавалось. И сейчас не вышло.

Савельева без лишних слов поворачивается к компьютеру и принимается искать информацию по нашему делу.

В официальной базе клиники меня, как пациента репродуктолога Екатерины Савельевой не найти. Для всех у меня естественная беременность. Даже для родителей и всех родственников. Лишь я и Катя знаем об истинной истории моей беременности.

Но в закопанных папках под девятизначными паролями Катя хранит все свои тайны. Одна из них связана со мной.

Ведь около четырёх лет назад, когда мне поставили диагноз «истощение яичников» и сказали срочно рожать либо лечится гормонами, я приняла решение и выбрала первый вариант.

Врач прогнозировал успех при втором варианте лишь на пятьдесят процентов. А я всегда мечтала о детях, пусть не в таком раннем возрасте. На тот момент я не могла себе позволить рисковать и прожить жизнь, не ощутив всю прелесть материнства.

Да, можно было бы в будущем усыновить или удочерить, но хотелось свою кроху. Родную. На меня похожую.

Сегодня я ничуть не жалею о принятом тогда решении. Но во всей этой истории есть одна маленькая загвоздка. Я

сделала ЭКО.

Рожать от кого попало я не хотела. А тем более спать с первым встречным. А узнавать, встречаться с кем-то и строить отношения было долго. У меня было слишком мало времени. Слишком мало шансов.

Экстракорпоральное оплодотворение я делала нелегально. То есть кандидаты, которые добровольно сдавали материал для будущих мамочек, меня не устраивали. Какие-то все не такие.

Поэтому Катя предложила повернуть аферу. Мы, конечно, были тогда не в самом трезвом состоянии, но наутро решение не поменяли и начали готовиться.

Она достала список клиентов клиники, которые ежегодно сдают анализ для проверки состояния своего здоровья. Вот среди этих мужчин и нашёлся один, который по всем параметрам подходил на эту роль.

Высокий, здоровый, крепкий, с хорошими генами и без каких-либо аномалий. И до чёртиков красивый.

Почему-то тогда я думала, что у меня обязательно будет сын, и хотела дать ему хорошую внешность, поэтому меня интересовало всё в будущем отце моих девочек.

И сейчас, естественно, мужчина и не подозревает, что где-то на этом свете бегают две милые трёхлетние девочки, которые одним только взглядом могут сразить всех окружающих наповал. С его глазами и ростом. Высокие у меня малышки. Явно не в меня.

– Нашла, – произносит Савельева, покусывая нижнюю губу. С сомнением смотрит на меня, не зная, показывать или нет.

– Показывай! – кидаю раздражённо. И когда Катя поворачивает монитор в мою сторону, сердце на мгновение останавливается.

Это он!

Чёрт!

Это он!

– Ну, он? Или не он? – вырывает меня из моих собственных мыслей Катя. – Это он?

– Он, – киваю и откидываюсь на спинку стула, понимая, что это конец! Я родила и украла материал у преподавателя по хореографии. И самое ужасное, что мы встретились.

– Точно? – скулит подруга, понимая, что это значит.

– Да точно! Точно! – недовольно кривлюсь. – Я его хорошо запомнила. Ты же знаешь мою память на лица. Он как очки снял, я сразу его узнала, но решила, что мне показалось. Глюки думала. А теперь... Это точно он.

– Н-да, проблема...

– Ага, – киваю.

– Но он ведь не знает, что ты родила от него, – принимается меня успокаивать. – Он вообще не знает, что его живчиков тогда пустили в дело в конечном счёте. Поэтому можешь не переживать! Он не тронет девочек.

– Но он ведь их отец, – пожимаю плечами. – Меня и так

каждый раз совесть на части разрывает оттого, что мы тогда провернули это дело. Стыдно перед человеком. И гораздо приятнее было страдать, не зная его в лицо.

– Вика, даже не думай! – шипит подруга, поняв, что я задумала. – Он не знает о том, что мы сделали, и не должен узнать! Ты мне тогда, в конце концов, обещание дала! Что никто ни о чём не узнаёт!

– Помню я!

– Я тогда ради тебя на преступление пошла! – шёпотом кричит на меня. – И я не собираюсь садиться в тюрьму за эти махинации! Я тебе помогла! А ты меня под статью хочешь подвести?

– Прости, – беру её за руку, заскулив от собственных мыслей. – А если он сам узнает?!

– Да как он узнает?! – восклицает, не в силах сдержать свои эмоции. – Он тогда просто проверялся на болезни. А потом... А потом мы его немного использовали. Он даже не для твоих целей своё семя сдавал! Так что молчи в тряпочку, и никто не узнает! В этом деле только я замешана и медсестра, но она, к твоему счастью, переехала в другой город!

– Ладно, ладно!

– Смотри мне!

– Прости, – искренне извиняюсь. – Ты права. Алина и Инна только мои. А этот, – киваю в сторону фотографии, – никогда не узнаёт про них. У него явно уже свои есть и жена. Зачем ему мои букашки? И не факт, что ещё проблем себе

не создадим. Правда ведь?

– Вот-вот! Живём, как и прежде!

– Ага, – вздыхаю. – Но как мне с ним себя вести?

– Как с обычным преподавателем, – цокает подруга, посмотрев на меня, как на дурочку. – Вот на первом курсе как?

– Там был Егор Громов. И между нами были приятельские отношения. И вообще... у нас в расписании Егор стоит преподом на этот сезон.

– Ну вот, тем более! Этот явно у вас на один раз! Замена там. Бывает ведь!

– Ага! – воодушевляюсь вмиг. – Ты права! Просто я запаниковала! Извини! А теперь я пойду, – произношу, взглянув на часы. – Мне к первой паре и в ту сторону, как всегда, будут пробки! Люблю, Катюш! Целую! Спасибо за помощь!

– Вечером заедешь с крестницами моими? – кричит в спину, заставая меня в двери.

– Заедем! Так что закупайся шоколадными яичками! – подмигиваю и покидаю её кабинет в приподнятом настроении.

Ну и что, что я теперь знаю, кто отец Алины и Инны. Он творческий человек. Это даже хорошо! Девчонки у меня будут, значит, такими же. В меня и в него.

Это ведь круто! Даже было полезно его увидеть разок. Оценить. Хам он, конечно, но детям это не достанется. Я их нормально воспитываю.

В академию прихожу настороже, боясь того, что даже во-

преки своим мыслям встречу его ещё раз, но мне везёт. Хореографию на всю неделю отменяют, объяснив это тем, что Егор Данилович на больничном. Про замену, а тем более отца моих девочек, ничего не говорят.

За пару дней полностью успокаиваюсь и прихожу в себя. Убеждаюсь в том, что никогда больше не увижу мужчину, и продолжаю жить дальше. Как прежде. Днём академия, вечером – дети и помощь папе с торговым центром.

Мой отец и дедушка владеют модным домом и огромным торговым центром, где основной ассортимент – производство модного дома. Брат уже давно с отцом рука об руку работает, а я лишь после того, как забеременела, поняла, что мне нужны деньги на содержание.

Мне, конечно, приходят деньги с акций. Да и карточка отца есть. Но родители с детства приучили к тому, что и самой деньги тоже зарабатывать нужно. Поэтому папа пошёл мне на уступки и взял в штат. Я занимаюсь мониторингом и анализом продаж. Ищу причины, почему тот или иной товар продаётся хуже, и пытаюсь исправить эту ситуацию.

Лёгкая работа и можно заниматься даже ночью, когда букашки спят.

– Виктория Марковна, – окликает меня няня. – Мы уже на парковке.

– Посидите там, – шепчу няне в трубку. – Я немного задерживаюсь. Но к врачу успеем!

У Громовых, владельцев академии, какие-то проблемы. И

преподаватели лютуют оттого, что на них лютует начальство. А те – на нас. В общем, круговорот агрессии в мире.

– Ладно, жду, – кидает она и отключается.

И на кой чёрт я записала детей к врачу на такое раннее время? Сейчас из-за неожиданного зачёта могу опоздать на приём к стоматологу.

Ненавижу Громовых и их дурацкий характер! Один лишь Егор нормальный был. И тот в больнице!

Остальных Громовых я не знаю, конечно, но по рассказам младшего сына Громовых, Егора, понимаю, что они ещё те засранцы. Один из них, кстати, ректор академии.

Глава 3

Владислав

– Ненавижу эту академию, – тяну, сжимая в руках документы о том, что земля, на которой стоит академия, принадлежит нашей семье и власти не имеют права её трогать.

Ишь что удумали! Построить на территории академии корпус больницы. А она нам нужна, эта больница? У нас и своих психов больных хватает, чтобы других заводить.

Все последние дни бегаю по этому вопросу и решаю. Вадим и сам бы заняться, но у меня связей больше с нужными людьми. Да и я лучше буду под градус болтать с важными шишками, чем общаться с дураками и учить их уму-разуму. Поэтому брат взял на себя всю образовательную часть.

И слава богу! Я бы ещё день не выдержал! Нет, ну ради блондинки бы задержался, но та явно дала понять, что об-

щение со мной её не интересует. Даже несмотря на то, что я могу ей предложить.

Дура! Но жизнь её! Сама выбрала и дальше гнить в академии, а не сделать шаг к известности.

Быстрыми и торопливыми шагами направляюсь к своему белому кабриолету, который совсем недавно купил и от которого просто кайфую. Но в нескольких шагах от своего коня замечаю в нём две маленькие кудрявые головки с двумя хвостами. Малышки сидят на водительском сиденье, лапают руль и всё, до чего дотягиваются, и параллельно лижут леденцы на палочках.

Замедляю шаг, пытаюсь понять, что, чёрт возьми, происходит и почему... моя машина... в розовый горошек?

– Это что за хрень? – произношу тихо, обходя машину со всех сторон и пытаюсь понять, как это произошло. Каким образом у моей машины началась «ветрянка»?

Что за, чёрт возьми, розовые отпечатки на бампере моей тачки?! Что за цветочки уродуют моего коня?

Подхожу к водительской двери и кидаю взгляд на двух тёмно-русых малышей, поместившихся вместе на одном сиденье. На моём сиденье!

– Алё! – привлекаю их внимание, щёлкнув пальцами перед их лицами. – Алё, красотки! – кидаю, отмечая, что девочки никто иные, как близняшки или двойняшки. Маленькие очки на их крохотных лица скрывают их.

– Пливет, – кидают малышки в голос и поправляют солн-

цезащитные очки на носиках. – Сфоткай! – произносят командным тоном.

– Чего? – не понимаю их языка. Ладно, первое слово ещё понятно. Но второе. Они меня послали? Далеко?

– Сфоткай! – повторяет та, что ближе ко мне сидит. – Чик-чик телефоном! – изображает вспышку. – Сфоткай!

– Это моя машина, – говорю им, поняв, чего они хотят и оказавшись шокированным. Эти две мартышки решили покомандовать мной?

Совсем, что ли? Я их старше в несколько раз, а они со мной, как со слугой! Вот воспитание!

– Сфоткай! – настойчивее повторяют они. – Бышла! Я сказала, бышло сфоткай!

– Эй, не хами мне! – рычу на девчонок, но стараюсь сделать это так, чтобы они потом до конца жизни людей не боялись. – А ну, встали! Живо! Это моя машина! Быстро встали, я сказал!

– Нек! – скрещивает руки на груди, стянув очки со своего лица и с лица сестры. Думает, их взгляды, нахмуренные и злые, на меня повлияют?

– Нек! – повторяет за ней вторая, также скрестив руки и одарив таким взглядом, от которого замёрзнуть можно.

– Вы совсем, что ли? – не сдерживаюсь, закричав. – Это вы мне машину разрисовали?

– Мы!

– Зачем?

– Чтобы класиво было! – объясняют мне с таким видом, словно это очевидно.

– Давайте по очереди из моей машины! Быстро!

– Нек!

– Да!

– Нек!

– Да!

– Нек!

– Да!

– Нек!

– Да вы меня достали! Вылезайте! У меня дел куча! Нет времени с вами возиться! Мать ваша где? – оглядываюсь по сторонам и замечаю темноволосую девушку. – А вот она! Отлично!

– Ты, – грубо хватаю девушку за руку и разворачиваю к себе, отвлекая от телефонного разговора. Та окидывает меня испуганным и шокированным взглядом, явно не ожидая того, что кто-то побеспокоит её решит.

Отбираю у неё телефон и демонстративно отключаю вызов. Смотрю ей в глаза, чтобы показать всю свою злость ей и её детьми.

– Вы что себе позволяете?! – наконец просыпается мамашка. – Я, вообще-то, с парнем своим говорила! Выходные обсуждала!

– Да мне плевать, чем ты там занималась и с кем говорила, – произношу, нависая над девчонкой. Какая-то она моло-

дая для мамашки. Если, конечно, в шестнадцать не родила. – За спиногрызами своими смотри! А не с мужиками трепись!

– Что?!

– Того! – бросаю. – Мало того что всю машину разрисовали, так ещё и внутрь забрались! – открываю ей вид на двух кучерявых близняшек в моей машине.

– О боже! – восклицает она и подбегает к детям. – Инна! Алина! Что вы сделали?! А ну, живо вылезайте! – кричит на них и мне отчего-то оттащить её от детей хочется.

Ну кто так детей воспитывает? Да, они у неё те ещё сорванцы, но будь у меня такая мамаша, которой сначала на меня плевать, а затем резко начинает орать, я бы тоже такой же был! Честное слово!

– Мы тебе не мешали, – произносит одна из них. – Сфоткай нас!

– А ну, вылезайте! Живо! – кричит она на них. – Если не вылезете, я вас накажу! Будете в углу стоять завтра весь день! И фиг вы что докажете кому-то!

– Сфоткай! – повторяют они настойчивее.

Раздражённо залезаю рукой и карман, понимая, что пока требования малышей не выполним, те на наши не пойдут. Подойдя, фотографирую их с демонстративным щелчком.

– Вот! Сфоткал! Теперь вылезайте! – показываю им экран своего телефона в подтверждение.

– Мне не нравится, – кривится та, что подальше от двери сидит. – Ещё лаз!

Закатив глаза, выполняю их просьбу.

– Ещё лаз! – уже другой близняшке что-то не нравится.

– Да вы издеваетесь! – рычу, но из последних сил делаю фотографию с уже позирующими девчонками. – Вот! Всё? Нормально? Все довольны?

– Да! – кидают они, переглянувшись между собой и кивнув.

– Доставай! – поднимают они руки, и я по одной вытаскиваю из своего кабриолета. Через дверь вреднюшки отказались выйти из автомобиля. Так им веселее – заявили эти манипуляторши.

Опускаю их на землю и оборачиваюсь к своей машине, чтобы осмотреть её. И сразу же замечаю, что девчонки не только внешне машину «украсили», но и внутренне. На белой коже салона отчётливые следы обуви. Грязь и пыль.

– Понарожают, а потом уследить не могут! – возмущаюсь на мать, повернувшись к ней. – Вы вообще за ними следите? Чтобы разрисовать такую огромную машину розовым горохом, надо как минимум десять минут. Чтобы забраться сюда – ещё пять! Вы что, пятнадцать минут выходные обсуждали и за детьми не смотрели?! Вы в своём уме, девушка? А что, если бы они не машину разрисовывали, а под колёса бы полезли? Я бы их не заметил?! Или в люк бы забрались? Они же бестолковые у вас!

– Я просто...

– Зачем рожать, если личная жизнь важнее?! – кричу. –

Вы знаете, сколько стоило обтянуть эту машину белой кожей? И сколько будет стоить её отмыть? Что мне теперь с этим делать? С этим горохом для начала? Мне в администрацию ехать. К серьёзным людям!

– Не лугайся! – кричит одна из близняшек, оказавшись рядом со мной. – Не оли на неё и нас! А-та-та по попе!

– Накажу, – добавляет вторая, одарив меня не менее грозным видом.

Меня дети ругают? Ещё и смотрят, словно моя мама, когда я что-то натворю. Взгляд один в один. Не знал бы, что это дети этой безмозглой курицы, подумал бы, что моя мать родила где-то на стороне.

– Я... Я сейчас всё исправлю, – произносит их мамаша, вернув меня к нормальному состоянию. Достает из сумочки влажные салфетки и подбегает к машине. – Я сейчас всё ототру! Обещаю! Не ругайтесь! Я всё исправлю!

– Оттирай! – бросаю и отхожу, давая ей своё недоразумение исправить.

Ну, правда? Зачем ей дети, если она мужиками увлечена? Ну, сделала бы аборт, и дело с концом! Но нет же! Ради бабла родила! Точно говорю! Там же государство что-то даёт за второго или третьего ребёнка. Хрен с ним! Всё равно не разбираюсь!

Но этой бабе дети не нужны! Это точно!

– Не лугайся на неё, – вновь привлекают моё внимание близняшки.

– Молчите, мелкие, – бросаю им, скрестив руки на груди.

– Нек! – заявляют они одновременно и решают свести меня с ума. Наверное. О чём-то перешёптываясь, принимают играть.

Нет! Всё же сводить меня с ума, а не играть. Играми это никак не назовёшь. Психологической атакой будет точнее. Потому что одна начинает мяукать, а вторая рычать и кричать, что она динозавр.

Твою мать! Как хорошо, что у меня нет детей!

Я бы этого не вынес!

Ни за какие деньги не соглашусь на такое! Ни за какие!

Упаси меня господь от такого!

– Мяу! – тянет одна и принимается, как котёнок, тереться о мою ногу, а вторая, подойдя, так и вовсе за ногу больно кусает. И своей крохотной ножкой наступает мне на обувь. Намеренно.

– Я динозавр! – произносит она грозным рыком и вновь кусает.

– Ай! – вскрикиваю и отскакиваю от них.

Дикари!

Заметив, что они следуют за мной, запрыгиваю в машину и захлопываю дверцу чуть ли не у них перед носом.

Твою мать! Это ещё что!

Никогда детей не заведу! Никогда!

– Мяу!

– Ар-р-р!

Ещё раз оглядев их шокированным взглядом, захожу машину и срываюсь. Даже их матери не даю машину оттереть до конца.

Пусть будет грязной, но валить надо из этого дурдома! И как можно скорее!

Глава 4

Виктория

Ну, наконец-то! Думала, что сегодня уже никогда не выйду из этой академии. Не могу понять, что могут сделать и чем могут помочь студенты с проблемами, которые упали на головы руководства?

Почему мы должны за их психи платить своими нервными клетками? Они думают, у нас проблем меньше? Ошибаются!

– Мама, – громкий и нежный голос окрикивает меня, когда я появляюсь в их поле зрения.

– Тише, тише, – обнимаю малышек, как только те подбегают ко мне и прыгают в мои объятия.

Никто из учащихся здесь не знает о том, что я не только студент, но ещё и мать двух красоток. Лучше пусть это останется моей маленькой тайной. Особенно после того, как я узнала, что отец этих принцесс преподаёт в этой академии. Им ни в коем случае нельзя сталкиваться.

Вдруг отцовский инстинкт и правда существует, и он, не дай бог, почувствует их родство.

– Леся, я думаю, вам больше не стоит приезжать с девочками в академию, – начинаю разговор, как обычно, без при-

ветствия. – Лучше всего в дальнейшем вам с двойняшками ждать меня не на территории академии. Здесь всё же опасно.

– Мне тоже так кажется, – кидает она взгляд на Инну с Алиной.

– Что-то случилось? – поворачиваюсь к моим принцессам, о бунтарском характере которых не понаслышке знаю.

– Не-е-е, – вмиг отрицательно обе машут головой, что является очень плохим знаком. Точно, что-то произошло. И мне сейчас это не очень понравится. Очень.

– Ты опять не уследила? – повышаю тон, обращаясь к няне, которая частенько из-за разговоров по телефону со своим парнем отвлекается от дела, за которое я, между прочим, плачу ей немалые деньги.

– Всего минута, – виновато смотрит на меня. – Они такие быстрые. Фигаро здесь, Фигаро там, – рассказывает то, о чём я и так знаю.

– Поэтому я и наняла им няню помоложе, чтоб успевала за ними. Леся, это не в первый раз, – с сожалением смотрю на девушку, потому что понимаю, что нам придётся с ней прощаться. – Что они сделали? – спрашиваю о проступке.

– Они... Они... – начинает она, но двойняшки, как всегда, ей и слова сказать не дают.

– Мама, не лугайся, я сказала! – одёргивает меня за штанину Алина.

Именно она всегда является зачинщиком всех происшествий. Инна лишь повторяет за сестрой и, так сказать, под-

держивает её во всём.

– Выкладывайте, – поворачиваюсь к девочкам, которые вроде бы такие маленькие, но уже такие взрослые.

– Мы всего лишь лесли полисовать, – подхватывает вторая бунтарка. – А дяде это не понлавилось, и он начал лугать Лесю. А мы всего лишь иглали.

– Где они рисовали, Леся? Я не вижу на асфальте ни единого рисунка, – нервно задаю вопрос, потому что уже предполагаю, что могли натворить эти две букашки.

У девчонок есть ужасная привычка рисовать на всём движущимся и не движущемся, но только не там, где положено.

– Да мы даже не лисовали, – оправдывается одна из моих дочек. – Мы всего лишь напечатали класивые печатки на машине, – открывает свою крохотную ладонь и показывает мне те самые злосчастные печатки. – Совсем чуть-чуть. Класиво получилось!

– Отдайте мне их. Больше вы их не увидите, – произношу сквозь зубы, чтоб только не наорать на своих малышей. Быстро прячу маркер с печаткой в свою сумку, доказывая серьёзность наказания.

Непонятная у них тяга к рисованию! Совсем непонятная! Подрастут, отдам их в художку, а пока нужно просто терпеть и объяснять им, что можно, а что нельзя. И если бы они ещё слушали...

– Они на машине печатки оставили, – сдаёт букашек няня, получив от двойняшек недружелюбные взгляды.

– О боже! – восклицаю. – Что за машина? Где она? Чью машину они испортили? – держась за голову обеими руками, спрашиваю уже у бывшей няни моих дочерей.

Какой стыд!

Уже сейчас, в таком раннем возрасте, я пытаюсь воспитать из девочек хороших людей. Но как я могу это сделать, если человек, который должен ими заниматься, пока я занята, не может объяснить им, что хорошо, а что плохо? Тем более, когда у них период кризиса трёх лет. Им сейчас особенно нужно уделять внимание!

– Виктория, не волнуйся, я её протёрла салфетками, – успокаивает меня она, но от этого спокойнее не становится. Стыдно ведь перед человеком. – Да, собственник автомобиля немного возмутился, но он быстро успокоился и уехал.

– Мама, – перебивает Лесю Инна. – Он даже нас сфотографировал на свой телефон. Теперь мы в его телефоне, – радостно заявляет моя младшая дочь, которая родилась на минуту позже Алины.

– Что?! – впадаю в ещё сильнееший шок. – Леся?! – вновь обращаюсь к виновнице происходящего.

– Девочки настояли, – наигранно улыбается.

А няня с ними зачем, если уследить за этим не может? Тем более она знает мои правила.

– Ты же знаешь, что я против публичности своих детей, – ругаю её. – Не выставляю их фото нигде. Не разрешаю никому их фотографировать. Что значит, их сфотографировал

посторонний человек? Кто он? На какой машине был? – закидываю вопросами и от злости готова задушить девушку голыми руками.

– Белый кабриолет, – напугано отвечает.

Может, я, конечно, немного и переборщила с претензиями. Но всё, что касается моих принцесс, по-другому я воспринимать не могу и не буду.

– Где он был припаркован? – немного успокоившись, спрашиваю для того, что понять, чей был автомобиль. Нужно будет извиниться.

– На стоянке у выезда, – выдаёт ответ, который я боялась услышать больше всего.

– О чёрт! Там обычно паркуется преподавательский состав, – скулю от произошедшего, как щенок. – Надеюсь, он не расспрашивал тебя, кто вы и кого ждёте?

– Нет, он спешил, – выдаёт, но я уже не обращаю на Лесю внимания.

Сегодняшняя ситуация была моей последней каплей. Она больше у меня не работает! Пару дней с ними посидит мама, а я пока найду новую няню. И, надеюсь, в этот раз не ошибусь с выбором.

Поворачиваюсь к девочкам и, сменив гнев на милость, пытаюсь уже, наверное, в сотый раз объяснить, что то, как они себя ведут – это неправильно и некрасиво.

Но всё, что я слышу в ответ, это:

– Я динозавл.

– И я.

Когда закончится это кризис?! Я либо поседею, либо сойду с ума.

Владислав

Сегодняшний день с самого утра обещал быть семейным. Из больницы, наконец, выписывают нашего младшенького Громова. В честь такого дела родители закатывают праздничный ужин. Для матери это вечер с сыновьями, а для отца это больше бизнес-встреча.

Ну и ладно, хоть вкусно поем.

Паркую машину на заднем дворике, чтоб никто не увидел мою малышку, измазанную в какой-то детской хрени. Далее пешком, на своих двоих, возвращаюсь к главному входу, обходя весь особняк.

Откуда взялись эти две малявки? И почему именно мой автомобиль попал под раздачу?

Дурень, ещё и крышу не закрыл.

В следующий раз я в обиду своего коня не дам.

– Брат, – останавливает меня голос Егора.

Он увидел меня и мою тачку?

Ну нет, я же машину за домом оставил. Тем более уже темнеет, а у нас всё семейство страдает плохим зрением.

– А кто это у нас? Наш инвалид? – поворачиваюсь и направляюсь к беседке, которая расположена у фонтана.

Любимое место Егора. Он там всё детство провёл. Если этот бабник когда-нибудь женится, то он либо жену свою в

родительский особняк приведёт жить, либо построит в своём будущем доме точно такую же. Или вообще беседку эту у родителей сопрёт. Но со своей страстью не расстанется никогда. Это факт!

– Проезжаешь. Других не замечаешь. Не здороваешься, – кидает с ухмылкой, когда захожу в место, напрочь пропитанное духами Егора. Они у него неизменные на протяжении всей жизни.

– Фу-у! – демонстративно зажимаю нос пальцами. – Ты что, весь флакон на себя вылил? – усаживаюсь напротив него, переступив ногу брата, которая сейчас в гипсе после столкновения с двумя девушками. Те его по башке треснули, ногу сломали и смылись. Вадим всё психует, что виновные не наказаны, а младший не сдаёт своих обидчиков.

– Что за кипишь? – присоединяется к нам мой соратник и по совместительству мой второй братец.

Мы с Вадимом всегда играем против Егора, потому что наш младший брат наглый до чёртиков, плюс ко всему всегда под родительской защитой.

– Да вот, решил поинтересоваться у брата, что за новая машина у него, – взглядом даёт понять, что мне не спастись от его шуточек.

– У тебя что, новая машина? – обращается ко мне Вадим, слегка спустив свои солнцезащитные очки на переносицу.

– Если бы, – вздыхаю.

– Ужас подкрался незаметно? – резко поправляет очки.

– Два ужаса, – поправляю своего близнеца. – Выхожу из академии злой до невозможности. Направляюсь к машине, а возле неё стоят две фифы, ещё и на одно лицо.

– О-о-о, близняшек я люблю, – чуть ли не облизывается Егор. Только этот оболтус знает, что у него на уме.

– Поцарапали? – испуганно уточняет Вадим. – Сильно?

– Слава богу, нет! Разрисовали.

– За что мстят? Плохо время провели или слишком хорошо? – всё о своём бормочет младший Громов.

– Им не больше трёх лет. Так что, думаю, дело было совершенно в другом, – недовольно отвечаю. – Ты меня с собой путаешь. Меня не интересуют студентки-малолетки.

Особенно такие сумасшедшие.

– Брат, – меняя цель, Егор обращается к моему близнецу. – Ты сегодня ездил за покупками? – вновь улыбается своей фирменной улыбкой и поигрывает бровями. – Принцесски нынче в теме? Даже ты подтянулся? Что дальше? Постельное бельё с единорогами. Розовая пижама от какой-то там Виктории Тайной?

– Не начинай, – рычит в ответ, закатив глаза.

– У меня шпионы есть везде, так что я всё про вас знаю, братцы, – выставляет два пальца и показывает знак слезки за нами.

Что он вообще несёт? Какие шпионы? Он что, в детстве не наигрался? Иногда даже не верится, что мы братья... И ему скоро тридцатник.

– А может, ты благотворительностью решил заняться? – продолжает он докапываться до Вадима.

– Что я пропустил? – влезаю в их разговор, заинтересовавшись.

– Нет, не пропустил, – вздыхает близнец. – Взросление Егора ещё не наступило. Ждём!

– Сильно, – поднимаю руку для того, чтоб дать «пять» моему компаньону.

– Слабо, – поправляет Громов-младший. – Вам до меня ещё очень далеко, – встаёт, взяв костыли, чтобы выйти из беседки.

Ловлю взгляд Вадима и подмигиваю ему. Тот понимает мои намерения с одного взгляда. Одновременно поднимаемся и идём за Егором. Хватаем его на руки и, откинув костыли в стороны, несём напрямик в фонтан. Пусть из-за гипса кидать его нельзя, но аккуратно положить никто не запрещал.

– Вы идиоты! Шуток не понимаете, что ли? – цепляется руками за наши шеи и пищит как девчонка.

– А что такое? Сменил гнев на милость?

– Я просто забыл, что вы мужики уже возрастные. Шуток, идиоты, не понимаете! С вами надо понежнее, старички, – продолжает ходить по лезвию ножа.

Давно пора было уже проучить этого парня. Чересчур много стал себе позволять по отношению к нам с братом. Никакого уважения к старшим!

Будем воспитывать!

– Шах и мат! – выдаёт Вадим, когда Егор оказывается лежащим в фонтане, в который в детстве закидывал рублиевые монеты, потому что кто-то ему сказал, что он денежный. Чем больше кинешь, тем больше получишь.

Думаю, не стоит пояснять, как я на свой первый велосипед накопил.

– И знаешь, братец, это не нас отмутузили девчонки до больничной койки. Так что, думаю, лучше тебе молчать, пока карма не настигла тебя снова, – заключаю и направляюсь в сторону особняка.

– Карма уже близко, – бубнит себе что-то под нос.

Когда мы с братом заходим в дом, то получаем порцию выноса мозга от матери, которая в очередной раз встаёт на защиту своего третьего сына. Любименького.

За ужином Егор даже не смотрит в нашу сторону. Обижен, маленький. А вот отец не устаёт говорить о наследниках, которых ждёт от нас в ближайшее время.

Нас спасает лишь телефонный звонок, который отвлекает главу семьи от начатой темы до конца ужина. Мы даже уезжаем, так с ним и не попрощавшись, ведь он заперся в кабинете решать какие-то дела. Для него всегда на первом месте была академия и бизнес. А дети так. Сегодня они есть, а завтра вырастут!

Вот мы и выросли. Теперь ему нужна новая порция детей.
Внуки!

Но от меня он их не дожждётся.

Глава 5

Виктория

Первая неделя обучения пролетает, не успеваю и заметить как. Не удивительно, ведь днём учёба, вечером и ночью – двойняшки. И так изо дня в день.

Я уже привыкла к такому графику, но частенько это угнетает даже меня. Хочется какого-то приключения, азарта, веселья, но... не выходит.

Иногда в голове возникают мысли вырваться на ночь с Катей в клуб, но потом, как вспомню, что букашки будут одни дома или с чужим человеком, вмиг желание пропадает. Родители предлагают с ними посидеть, но не мой вариант. Не люблю своих заек оставлять на ночь. Им же сон страшный приснится, и они ко мне прижаться захотят, а меня не будет...

Но приключений всё равно хочется.

Вторая неделя обучения наступает неожиданно. И я бы сказала не так, как я её ожидала. А всё потому, что на доске важных новостей академии я узнаю, что хореография вернулась в наше расписание.

Егор Данилович выздоровел?

Или?..

Только бы не «или».

Но понедельник никогда не был моим днём. И никогда им не будет. Потому что стоит мне переступить порог аудито-

рии, как я вижу его. Наглого пижона.

– Добрый день, Виктория, – довольно тянет наглец. Отец моих девочек. – Проходите, не стесняйтесь.

– Благодарю, – кривлюсь в улыбке и иду в раздевалку, принявшись переодеваться.

– Девочки, он такой горячий, – тянет Снежа, моя одногруппница, обращаясь к своим подругам. – Я бы его прямо сейчас в этой аудитории повалила бы! На столе бы перед ним распласталась. Да и... Ну, вы сами понимаете, что я бы с ним сделала!

– А вы видели тачку, на которой он ездит? – включается в разговор её подруга. – Я ему готова в этой машине отдаться! Прямо в эту секунду!

Дуры! Лишь бы отдаться!

– А я бы с ним и просто так... – вздыхает Ксюша, староста группы. – А ты, Вик?

– Я? – поворачиваюсь к ним, хмыкнув. – Делать мне нечего! Он же самовлюблённый придурок! Переспит с вами и бросит. Сколько ему там? Больше тридцати? И он за это время ни на одной не женился. Тревожный звоночек, девочки, – кидаю и выхожу из раздевалки.

– Ну да, куда уж тебе, королеве, – кидает мне староста в спину, но я не обращаю внимания и просто присоединяюсь к уже переодетым девчонкам.

Лучше уж пусть ОН на меня пялится, чем слушать влажные мечты этих малолеток.

– Все готовы? – интересуется наш преподаватель, но смотрит он именно на меня.

Влюбился, что ли? Или бешу его так же, как и он меня, своим высокомерным взглядом? Вот и решил проверить теорию о том, что взглядом убить можно, или как минимум дыру в человеке прожечь.

– Нет. Там девочки ещё переодеваются, – отвечаю ему я, раз его внимание ко мне обращено.

– Девочки, быстрее! – выкрикивает он им. – Иначе штрафные санкции применю!

– Бежим! – кричат они из раздевалки и буквально через несколько секунд выскакивают.

Выстраиваемся в три ряда и делаем приветственный поклон преподавателю. Егор Данилович любит эту часть урока. Говорит, что ему приятно себя царём чувствовать среди студентов.

Дурак он. Но милый и чертовски весёлый.

– Для тех, кого вижу впервые, – заговаривает заместитель Егора. – Меня зовут Владислав Данилович Громов, – произносит своё имя, и моя челюсть медленно падает чуть ли не на пол.

Громов? Данилович? То есть он из тех самых Громовых, владельцев академии?

Боже! Ну как так меня угораздило! Теперь-то понятно, почему он в той дорогой клинике свой материал на анализ сдал. Деньги у мужика в кармане есть, и немалые!

Я родила от Громова! Твою мать! От Громова! Мои букашки – Громовы! А им подходит даже.

– Я совладелец академии, – продолжает, кинув на меня такой взгляд, словно от этой новости я должна прямо сейчас упасть к его ногам и кое-что сделать со своими.

Но я уже для него лучше сделала. Дочерей ему родила. Только фиг я ему об этом скажу! Катя права. Владислав никак не узнает, что его материал не утилизировали. И догадаться о том, что у меня от него дети, точно не сможет. Так что... букашки только мои.

– Начнём? – предлагает он, и все кивают. – Лёгкая разминка, а затем танцуем... – вновь взгляд на меня. – Соло!

Нет! Он издевается!

Боже, помоги мне! Не хочу для него танцевать! Не хочу!

Он же делает это чисто из вредности и обиды за тот раз, когда я ему отказала. Нельзя помогать злу!

Долгие минуты мы тянемся, растягиваемся, разминаем каждую мышцу. И всё это время Владислав не сводит с меня взгляда, будто съесть хочет и думает, с какой стороны зайти.

– Виктория, – начинает он тихим мелодичным голоском. – Соло.

– А может, не надо? – предлагаю ему. – Я стеснительная.

– Плохое качество для будущей звезды.

– Так я не хочу быть звездой, –жимаю плечами, но, вопреки собственным словам, выхожу вперёд, в образовавшийся круг. – Я для себя здесь учусь.

– Танцуй, Вика. Танцуй!

Впервые хочу кого-то убить. Ну зачем ему это? Ладно бы, если я двигалась бы ужасно и опозорилась. Но нет! Я хорошо двигаюсь! Я знаю об этом. Я год с Егором занималась без остановки и отточила свои навыки до состояния конфетки.

Уже встаю в стойку, чтобы начать танец, как вдруг всю академию разносит громким оповещением о начале пожара.

– Владислав Данилович, пожар! – довольно тяну. – Не судьба мне станцевать сегодня, – дарю ему улыбку и иду к подоконнику, чтобы взять с него свой телефон и, как все студенты, двинуться в сторону выхода.

Беру телефон последней. Все сразу похватали всё и побежали, радуясь очередному срыву урока.

Дохожу до двери, около которой ждёт Владислав. Делаю шаг по направлению к выходу, но тяжёлая мужская рука обхватывает мою талию и останавливает.

– Стоять, Лапина, – произносит он почти что на ухо, хотя с его-то ростом, чтобы прошептать мне что-то надо либо меня поднять в воздух, либо самому наклониться. – Я тебя не отпускал.

– Но пожарная сигнализация! Пожар в академии!

– Гореть так вместе, Виктория, – шепчет прямо в губы, впечатав в свой стальной пресс. А на фоне раздаются щелчки дверного замка.

Он запер нас в аудитории! Твою мать! Мне крышка!

– Что вы делаете? – рычу на него, впившись ногтями в его

спину. – Отпустите меня! Немедленно! – прикрикиваю.

– А мне нравится, – фыркает, довольно улыбаясь. – Хорошая фигурка. Талия, бёдра. Всё, как я люблю.

– А по морде получать вы любите? – кидаю ему с вызовом.

– Только если потом хорошо попросить прощения, – отвечает с наглой и, я бы сказала, дурацкой улыбкой. – Я люблю сладкие, страстные и долгие прощения. Когда девушка просит. И просит, и просит.

– А коленкой любите получать? В пах? – дёргаю правой ногой, давая понять, что его достоинство в опасности.

– Ну ладно, – сдаётся и отпускает меня, но, продемонстрировав мне ключ от аудитории, прячет его в передний карман брюк. – Танцуй, Лапина. Я жду своё соло!

– Какой же вы...

– Какой?

– Хам! Самовлюблённый пижон! Индюк! Кретин! И имбецил! – перечисляю всё, что о нём думаю.

Прохожу в центр зала и становлюсь в стойку. Делаю несколько дыхательных счетов для успокоения и начинаю.

Опускаюсь на колени. Завожу руки за спину. Выгибаю спину и полностью складываюсь в комок.

– Музыку прошу, – кидаю Владиславу, и уже через несколько секунд включается нужная мелодия.

Резко распрямляю спину, выставляю ногу в сторону, открывая вид на внутреннюю часть бедра. Плавно тянусь руками в лодыжке, почти сразу уведя руки в противоположную

сторону. Получив опору, выкидываю ногу вверх. Делаю разворот и из него поднимаюсь на ноги, спиной к Громову.

Опустив руки на бёдра, покачиваясь, поднимаю их вверх, к талии и вновь вниз, но уже к ягодицам. Разворачиваюсь в танце к преподавателю лишь вполоборота и вижу, каким взглядом Владислав смотрит на меня.

Он будто бы застыл, глядя на мои нижние девяносто.

Ну точно! Не соло оценить хотел, а просто на меня попятиться. Извращенец!

– Владислав, – зову его. —... Данилович? – но он не отзывается. – Владислав Данилович, – произношу громче, перекрикивая музыку и сигнализацию.

– Что? – поднимает на меня ничего не понимающий взгляд.

– Я вас звала. Несколько раз.

– Не слышал, – бросает, не делая из этого проблему. Он думает, я не заметила, как он смотрел на меня?

– Может, потому и не слышали, что сигнализация орёт? – задаю вопрос, скрестив руки на груди и полностью развернувшись к нему. – Не думаете ли вы, что нам стоит присоединиться ко всем? Покинуть помещение, пока оно не сгорело?

– Не думаю. Не люблю быть как все.

– А я люблю, – делаю шаг к нему. – Поэтому можно я уйду? Если вам плевать на свою жизнь, то мне нет! У меня есть семья. И я хочу сегодня вечером к ней вернуться.

– Муж? – задаёт вопрос сразу же после того, как я заговариваю про семью.

– Целых семь! – отвечаю, продемонстрировав это число на пальцах. – По одному на каждый день недели.

– Как много, – хмыкает. – Но я их понимаю, – окидывает меня взглядом с ног до головы. – Таковую, как ты, хоть раз в постели поиметь – мечта любого мужика. А губами ты так же хорошо владеешь, как и бёдрами?

– Хам! – выкрикиваю и даю ему пощёчину.

– Больновато, – произносит, потерев щёку. – Хороший удар!

– Брат научил, – важно заявляю, с гордостью об Алексее вспоминая. – И если нужно, он и вас манерам научит.

– Ну что ты, малыш! Зачем нам третий лишний в нашей аудитории? Думаю, мы вдвоём справимся с чьим-то воспитанием.

– Будем! Вашим!

– Или всё же твоим, чтобы знала, что на старших руку поднимать нельзя, – плавно переходит на рык. – А тем более на преподавателей, которые выше тебя по рангу.

– Пффф! А вас не учили, что «Нет» – значит «Нет»? А за домогательства и сесть можно?

– Малыш, не зуди! Тебе не к лицу!

– А тебе к лицу? – с вызовом кидаю. – Думаешь, раз академия твоя, то тебе всё можно? Обломись, мужик! Меня нормальные родители воспитывали, и я знаю себе цену! Я и по-

слать могу, и на место усадить в случае чего!

– А ты, наверное, думаешь и мечтаешь о принце на белом коне? Раз вся из себя такая хорошенькая, то обязательно встретишь своего Кристина Грена или Серкана Болета? В действительности всё будет иначе. Если пыл свой не умеришь, будешь либо одна, либо какому-нибудь толстому чинуше на заднем сиденье отдаваться.

– Хамло! – выкрикиваю и с трудом сдерживаюсь, чтобы ещё одну пощёчину ему не залепить.

– Курица! – бросает он мне в ответ, но дальше происходит то, что мы явно не ожидали вдвоём.

Мы наклоняемся друг к другу и сталкиваемся губами в мощном и неконтролируемом поцелуе. В нас горит страсть, злость и ненависть по отношению друг другу.

Хочется стереть его с лица земли этим дурацким, грубым, кровожадным поцелуем. Показать ему, что я непростая девушка. Что мне ОН не нужен.

Только вопрос... Зачем я его поцеловала? И теперь отвечаю на его поцелуи? В чём логика?

Его руки уже собственнически блуждают по моей пятой точке и спине.

Отрываемся друг от друга, тяжело дыша и смотря друг на друга такими глазами, будто уже ими испепелить готовы.

– Ненавижу! – кидаю ему и, воспользовавшись своим состоянием, залезаю ему в карман и достаю ключ. Отталкиваю Громова от себя и, направившись к двери, открываю её. –

Не-на-ви-жу! – кидаю на прощание.

– А целуешься ты так же, как и танцуешь, – бросает он мне в спину.

Убить хочу! Ненавижу таких уродов! Индюков!

Ещё и вещи свои из-за него в раздевалке и аудитории за-была. Дождусь, пока он выйдет, и вернусь за ними.

Но с ним я больше видеться не хочу! Никогда! Иначе за-душу собственными руками!

Я чертовски зла сейчас! Нет, я не просто зла. Я в ярости! Мне так и хочется вернуться и побить его. Закидать всем что под руку попадётся. Да, я не только хорошо танцую, но и прекрасно могу за себя постоять, благодаря брату.

Да что он себе позволяет? Я это просто так не оставлю. Я Виктория Лапина. Во мне течёт кровь Лапиных, а это значит быть войне.

Я тебе покажу, что значит вывести меня из себя. Ты не на ту напал, дорогой.

Вот в кого мои дочери пошли такой наглостью? Ничего! Такое больше не прокатит. Если я могу усмирить двух своих бунтарок, так их папашу и подавно.

Ладно бы просто запер нас в аудитории, приставал, поцеловал и наговорил глупостей. Он мой телефон взял, и ещё на кой-то чёрт сфотографировался на него. Надпись дурацкую ещё сделал: «Чтобы не забывала!»

Дурак!

– Где мои ключи от машины? Неужели оставила в разде-

валке? – разговариваю сама с собой, тем самым привлекаю внимание других. Наплевать. Эти студентки даже и половины не знают того, что пережила я.

Нахожу ключи, а рядом с ключами в сумке валяются фло-мастер-печатка моих девочек.

Что бы это могло значить?

«Мсть – это блюдо, которое лучше всего подавать холодным», – говорю про себя, делая коварное выражение лица.

Ну, держись, уважаемый Громов Владислав Данилович! Будет весело!

Напяливаю на своё милое личико не менее милую улыбку и направляюсь к охране для того, чтоб узнать, какой из припаркованных автомобилей принадлежит моей жертве.

– Добрый день. Не подскажете, где автомобиль Владислава Громова? Он попросил подождать его возле машины, а я не знаю, какая именно его, – с наигранным смущением спрашиваю у мужчины лет тридцати пяти, который почему-то даже не сомневается в моих словах.

– О-о-о, Владислав Данилович взялся за старое?

За какое старое? Что этот мужик о себе возомнил? За кого он меня считает?

– Я не... – пытаюсь возразить его догадкам.

– Видишь у ворот белый кабриолет? – киваю. – Это та самая машина, – указывает пальцем.

Ни капли воспитания. Разве он не знает, что пальцем показывать неприлично. Когда вижу такое, у меня нервный тик

начинается. Каждый день объясняю это Алине с Инной.

Наметив цель, направляюсь к ней незамедлительно. Пока этот козёл не вышел из академии и не взял меня с поличным, надо успеть всё сделать.

– Удачи! – кричит вслед глупый охранник.

Не оборачиваясь, закатываю глаза и иду дальше к довольно знакомой машине. Точнее, к знакомому дизайну автомобиля.

Ого! А мои дочери знали, чью машину нужно испортить! Он даже не помыл её. Кое-где ещё видны розовые печатки, не так чётко, конечно. Но это не проблема. Я сейчас же это исправлю.

Нельзя, чтобы художество моих крошек оказалось забыто.

Достаю своё оружие справедливости из сумки и оперативно дополняю рисунок своих бунтарок.

А после пулей убегаю с места преступления на заднюю парковку к своей машине.

Меня переполняют сейчас такие чувства, что словами их описать невозможно. Радость. Веселье. Безумие. И это лишь малая часть того, что я чувствую.

Вот почему Алиса всегда оставляет последнее слово за собой? Всё дело в ощущениях после.

Владислав

Эта девчонка думала, что с мальчишкой играет? Не тут-то было. Ещё не таких высокомерных ставил на место. План на день выполнен, могу смело ехать домой на заслуженный

отдых.

Нет, ну хороша малышка. Характер скверный, а в целом прекрасна. Всё при ней. И фигура, и талант. Не зря с первой минуты на себя внимание обратила.

Выхожу довольный из академии и прощаюсь со студентами, которые встречаются мне на пути. Ненавижу лицемерных людей. Большой минус быть деканом – это принимать фальшивые улыбки в свой адрес за уважение. Хотя половина из них меня не переваривает.

Вот Лапина, конечно, не стесняется в своих эмоциях и словах. За это дарю ей огромный плюстик в её копилку.

– Что за чёрт?! – кидаю, когда вижу свою машину. – Опять? – вскрикиваю. – Где эти малявки? Кто их сюда впустил? – оглядываюсь по сторонам, чтоб найти двух маленьких букашек, которые обновили свои навыки «печати на холсте» в виде моего автомобиля.

Просил же охрану больше не впускать малышню на территорию академии.

Иду в комнату охраны и недовольно начинаю выяснять, как они могли профукать проход детей на нашу территорию.

– Владислав Данилович, можете камеры просмотреть. Никто с детьми за ворота академии не проходил. Мы не осмелились бы вас послушаться, – оправдывается один из нанятых братом охранников.

– Некогда мне сейчас ваши камеры просматривать. Мойка за ваш счёт, – заключаю и, захлопнув дверь, возвращаюсь

обратно к бедному автомобилю, который я оберегал как зеницу ока. И у меня это получалось, пока дети на мою голову не свалились.

– Я вас найду, маленькие засранки, – шепчу, рассматривая своего пострадавшего коня.

В какой-то момент ко мне подъезжает чёрный внедорожник класса люкс. Притормаживая, водитель открывает окно, а из него показывается довольно улыбающаяся Лапина.

– До скорой встречи, Владислав Данилович, – выдаёт она, почти мурлыча, и кидает в меня несколько печаток.

Опускаю взгляд вниз, на выкинутый мусор, и узнаю его.

Это же те самые печатки, которыми мою машину малявки испортили, а теперь... Лапина?

Нахожусь в таком ступоре, что даже ответку кинуть не удаётся. Смотрю на уезжающий внедорожник, а затем кидая взгляд на маленькие коробочки розового цвета, что валяются у меня под ногами.

– Ах, Вика! – стиснув зубы, сжимаю кулаки. – Хочешь войны? Будет тебе война! Она уже началась! – выкрикиваю.

– Что, простите? – спрашивает проходящий мимо студент.

– Иди, куда шёл, – отвечаю.

«Утырок», – уже произношу про себя.

Ты не с тем Громовым связалась, Викуля. Даже Егор не может переплюнуть меня, когда я вступаю в игру.

– Держись, Лапина! Шатать будет не по-детски!

Глава 6

Владислав

Приезжаю в академию, как обычно, к первой паре, несмотря на то, что сегодня мне ко второй. И дело вовсе не в том, что я неожиданной любовью к преподаванию проникся и теперь мечтаю быть в ней двадцать четыре на семь. Этого никогда не будет. Всё дело в ней.

В чёртовой Лапиной! Выходки которой так и просят поставить её на место. Показать, где она должна держать свой язык и руки, которыми беду на себя навлекает. Так бы и выпорол её ремнём хорошенько, но на сильных девушках это не работает. Они, наоборот, наслаждаются такими приёмчиками. Хрен накажешь их. Только учить их надо. Только учить словами и ответными действиями.

Гонял вчера свою машину на мойку, мечтая скорее стереть грёбаные печатки. Мужики всё мытьё без остановки смеялись над боевым окрасом моего автомобиля. Подшучивали и даже фотографировали на кой-то чёрт. Пришлось соврать, что дети баловались, и вот.

Дети, блин! Одна детина высокомерная!

И ведь в мойке им не всё удалось отмыть. Мелкие чертовки умудрились как-то запачкать даже салон. Теперь на спинке водительского сиденья красуются тусклые, но заметные печатки. Придётся перетягивать кожей салон, а это дело не одного дня. Я же пока не готов так надолго расставаться со своим конём. Поэтому оставил.

Убедившись, что Лапина приехала на пары, и они у неё уже начались, иду на парковку и выискиваю среди других машин коня Вики. Она моего повредила, а я её коня подпорчу. Хорошенько так! Чтобы на всю жизнь запомнила, что значит обижать Громова!

Быстро нахожу чёрного коня Лапиной и подхожу к нему с орудием преступления в руках. У строителей по дороге стащил, а те даже и не пикнули. Наверное, сразу поняли, что иду змеюке одной мстить.

Думал вначале Вике просто машину несмываемыми маркерами украсить и написать «Курица за рулём» на капоте, но, найдя монтажную пену, придумал веселье получше. Такое, что после у неё навсегда желание пакостить пропадёт.

Около десяти минут пеню все окна машины, не оставляя ни одного пропущенного места. Практически окрашиваю её, изредка попадая на дверцы и багажник тачки Лапиной. При этом всё улыбаюсь, словно мне семь лет, а не тридцать четыре.

– Посмотрим потом, как ты на такси или на метро домой поедешь, – говорю себе под нос, осматривая свою выходку. – Я, конечно, предложу тебя подвезти, но придётся тогда отработать тебе.

Вернувшись в академию, прячу монтажную пену и весь день сижу как на иголках, дожидаясь момента, когда Лапина увидит и начнёт злиться. Когда её прекрасное и наглое личико скривится и потеряет всю свою силу. И, надеюсь, при-

влекательность тоже.

Ибо начало ночи я провёл в мыслях о мести, а вторую часть в мыслях о том, что бы с ней сделал, окажись она со мной в одной кровати.

По окончании пар иду на парковку, но в свою машину садиться не спешу. Жду, пока Вика выйдет, и я наслажусь её реакцией сполна. И очень надеюсь на то, что после этого желание затащить её в свою постель исчезнет.

– На что смотрим? – пугает меня Лапина своим вопросом, появившись, как из ниоткуда.

Обернувшись к ней, встречаюсь с ледяным взглядом принцессы. Перекинув ремешок сумки через локоть, с наглой улыбкой смотрит на меня, даже не замечая того, что я сделал с её крошкой.

– На твою машину, – бросаю с усмешкой.

– М-м-м... – тянет, кинув взгляд на испорченный транспорт, который практически полностью в пене. – И как? Нравится? Красивый? – спрашивает, сдерживаясь, чтобы не рассмеяться.

– Тебе плевать на то, что стёкла и машина испорчены?

– Ну, жалко бедолагу, – пожимает плечами. – Отмывать всё это будет жуть.

– И всё? И эта вся твоя реакция? – восклицаю, не понимая, почему она такая спокойная и весёлая. – Это же твоя машина! Как ты домой поедешь, если стёкла твоей тачки полностью в пене?

– Моей? – указывает на чёрный автомобиль, и я киваю. – Так я на другой сегодня, Владислав Данилович. На беленькой. У чёрненькой под крышкой что-то щёлкало, и я отогнала её в сервис. На папиной приехала, – нажимает на брелок на ключах, и третья машина от испорченной сигналиит, оповещая хозяйку о снятии сигнализации.

Широко улыбнувшись, идёт к своей новой машине, победоносно повиливая бёдрами, потому что чертовка меня сделала! От и до!

– Кто это сделал с моей машиной?! – взрывает мужской голос позади меня. – Кто?! Кто?!

Обернувшись, вижу одного из комиссии, проверяющих насчёт дела о строительстве корпуса больницы на территории академии. Полноватый мужчина спешит к своему автомобилю.

– Кто испортил мою машину?! – продолжает он кричать, подлетая к своей малышке. Пытается её очистить, но... не выходит. Пена уже застыла. – Кто-о-о?! Убью!

Перец! Настоящий армагеддонский перец!

– Что происходит? – отец останавливается около меня и немигающим взглядом смотрит на машину проверяющего. Его руки сжимаются в кулаки, а челюсти скрипят от злости.

– Отец? – Вадим подходит следом, огромными глазами уставившись на то, что я сделал. Случайно.

– Лапина, – рычу, стиснув зубы, и сажусь в машину, понимая, что это конец!

Я её убью! Она меня сделала!

Два – ноль. И не в мою сторону! Ну я ей устрою! Ну я ей устрою! Будет молить о пощаде! Я ей такую жизнь устрою, что весело не будет никому! Надо только в следующий раз всё лучше продумать.

Как этой чертовке удаётся так грамотно и профессионально уделывать меня каждый раз и уваливать от ответственности?

Тот факт, что Лапина вновь меня провела, только ещё больше подогревает интерес и желание отомстить.

Если ответить её же монетой у меня не получается, тогда придётся выпустить зверя из клетки.

Девочка нарвалась на неприятности. И это факт!

– Влад, живо зайди к себе в кабинет, – слышу ор отца, как только поднимаю трубку звонящего телефона.

– Я не в академии, – зевая, отвечаю, всё ещё валяясь в постели и продумывая до мелочей план мести.

– У тебя есть ровно пятнадцать минут, – рычит. – Тебе конец! На этот раз тебе точно конец! – заключает и кидает трубку.

– Старик не в духе. Дело пахнет жареным, – уже говорю сам себе и поднимаю свою пятую точку с кровати, чтоб собраться в академию.

За пятнадцать минут я, конечно, не успею. Но часок отцу придётся меня подождать. Как раз остынет до моего приезда.

Принимаю контрастный душ, готовлю полезный завтрак и сервирую себе стол. Не могу сказать, что я педант, но мне важно, чтоб было не только вкусно, но и красиво.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.